

ПРОБЛЕМА ПРО И ВОПРОС РАКЕТНОЙ УГРОЗЫ: ДИСКУССИИ В США (2001–2012 гг.)

© 2014 г. **О.О. Криволапов***

Статья посвящена дискуссии о необходимости развёртывания ПРО США в 2001–2012 гг. Анализируются позиции основных сторон: представителей администрации, демократов и республиканцев в Конгрессе, а также специалистов из «мозговых центров» США. Автор подробно рассматривает аргументацию разных групп, прослеживает эволюцию взглядов сторон и выявляет причины серьёзных перемен.

Ключевые слова: ракетная угроза, ПРО, дискуссии.

Проблема ПРО остаётся одной из самых обсуждаемых тем в сфере международной безопасности, и в рамках данной дискуссии можно выделить различные аспекты, в том числе внутриамериканский, который в свою очередь содержит комплекс вопросов, связанных между собой. Это необходимость ПРО, её архитектура, техническая готовность систем, их финансирование, отношение России к развитию американской ПРО и возможности сотрудничества РФ и США в данной сфере, а также взаимодействие США с союзниками по ПРО [1]. Каждый из этих вопросов требует отдельного рассмотрения. В данной статье речь будет идти о дискуссиях по вопросу о необходимости ПРО.

Ещё в конце 1990-х годов в американских политических и академических кругах началось обсуждение целесообразности развёртывания национальной ПРО (НПРО)**. Значительная часть этих дебатов была посвящена обсуждению наличия/отсутствия ракетной угрозы для США. На конец 1990-х годов существовало как минимум три фактора, инициировавших начало активного обсуждения этой проблемы. Во-первых, это подход Республиканской партии к вопросам внешней политики и обеспечения безопасности США, который базируется на консервативной школе американской военно-политической мысли, сформировавшейся в годы «холодной войны» (К. Грей, К. Пейн, Р. Солл, А. Уолстеттер, Ф. Хоффман, У. Хэйлэнд). С точки зрения сторонников консервативного подхода, обеспечение безопасности состоит в лишении любого противника малейшей возможности оказать влияние на принятие решений Соединёнными Штатами в кризисный период и на ход регионального конфликта с помощью угрозы ракетно-ядерного удара по США, их вооружённым силам и союзникам [4, с. 10–11]. Республиканцы победили на выборах в Конгресс в 1994 и 1996 гг., а к концу 1990-х уже появилось несколько законопроектов о развитии национальной ПРО. Второй фактор – это влияние крупных военно-промышленных фирм,

* **КРИВОЛАПОВ Олег Олегович** – аспирант ИСКРАН. E-mail: altus9@rambler.ru

** Противоракетная оборона (ПРО) делится на стратегическую ПРО (национальную ПРО – НПРО) и на тактическую ПРО (театра военных действий, ПРО ТВД).

которые с окончанием «холодной войны» испытывали недостаток в заказах на производство стратегических вооружений [2, с. 47]. Представители ВПК хотели иметь гарантированное на многие годы бюджетное финансирование, а создание систем защиты гораздо более затратное дело, чем создание наступательных вооружений [5, с. 7, 9]. Третьим фактором стали выводы комиссии Д. Рамсфелда по оценке ракетной угрозы территории США (1998 г.), в докладе которой говорилось о скором появлении межконтинентальных баллистических ракет (МБР) у КНДР, Ирана и Ирака, а также об опасности, исходящей от ракетных арсеналов РФ и КНР. Поводом к серьёзному рассмотрению вопроса послужили испытания ракет в КНДР и Иране летом 1998 г. Закон «О национальной ПРО» был подписан президентом 23 июля 1999 г. Оппозиция эти планы сформировалась в те же годы. Отказывая идее строительства противоракетной обороны в поддержке, учёные связывали это, в том числе, с отсутствием ракетной угрозы для США со стороны так называемых «стран-изгоев» (*rouge states*). Республиканский кандидат Дж. Буш-мл. был сторонником создания национальной ПРО, о чём не раз говорил во время президентской кампании 2000 г. С его приходом в Белый дом в 2001 г. усилия США по созданию национальной ПРО активизировались.

Жаркие дискуссии 2001 года

В 2001 г. сторонники и противники ПРО представили все свои аргументы 11 января на слушаниях в сенатском комитете по делам вооружённых сил. Председатель комитета демократ К. Левин изложил большую часть аргументов «против» стратегической ПРО, а именно: расходы на ПРО огромны и могут быть направлены на другие более важные оборонные нужды; возможны негативные последствия для союзников США, чреватые нежелательным стимулированием распространения ядерного оружия (ЯО), поскольку РФ и КНР откажутся сокращать свои ядерные арсеналы в ответ на создание НПРО США; наибольшая угроза безопасности исходит от неконтролируемого оборота ядерных материалов, которые террористы способны похитить и применить против населения США; ракетная атака «стран-изгоев» вполне может быть предотвращена ядерным сдерживанием; есть более простые и дешёвые средства, чем МБР, например, грузовик со взрывчаткой, отравление систем водоснабжения, проникновение в компьютерные сети.

В свою очередь Д. Рамсфелд, выдвинутый на пост министра обороны, изложил свой комплекс аргументов «за», основные из которых звучали так: ПРО девальвирует вложения потенциального противника в разработку оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки (сокращая стимулы для этого); сегодня сдерживание должно основываться на комбинации ядерных наступательных и неядерных оборонительных средств, возможность защищать свои войска необходима для сохранения свободы действия во время кризиса; вероятность терактов с ОМУ не снимает задачу достижения неуязвимости для ракетной атаки; сдерживание, основанное на угрозе ответного удара, не во всех случаях может быть эффективным против «проблемных режимов», если у тех будет ОМУ; развёрнутые за границей войска США и союзники США уже сейчас беззащитны перед ракетной угрозой [32].

Доклады разведывательного сообщества на первых порах играли важную роль в обосновании необходимости национальной ПРО. После испытаний баллистических ракет в КНДР и Иране в 1998 г. разведка пересмотрела оценки ракетной угрозы. Директор ЦРУ Дж. Тенет в 2001 г. заявил, что угроза МБР «существует и растёт». Было отмечено, что КНДР имеет ракету *TD-1*, теоретически способную донести до территории США химический или биологический боеприпас, и продолжает испытания ракеты *TD-2*, способной донести до США ядерный заряд. Иран сможет создать МБР в ближайшие несколько лет, Ирак – в ближайшие 10 лет [38].

21 июня 2001 г., будучи уже министром обороны, Д. Рамсфелд продолжил развивать свою аргументацию. Новыми были следующие тезисы: «страны-изгои» могут прибегнуть к ядерному шантажу, чтобы не дать западным странам использовать силу и остановить агрессию; такая международная уязвимость может свести на нет все усилия по созданию коалиций; отсутствие ПРО у США стимулирует «страны-изгои» на создание ракет; уже существуют ракетные технологии, о развертывании которых станет известно только тогда, когда они будут уже установлены. Впервые Д. Рамсфелд подробно характеризовал «проблемные режимы». Он говорил, что совершенно неизвестно, как себя поведут руководители этих стран, учитывая пример иракских ракетных ударов по Израилю в разгар войны в Персидском заливе. Такие страны используют ракеты не только как оружие во время войны, но и как инструмент запугивания соседних государств. Чаще это бедные страны, небольшие ресурсы и финансы которых, направляются на разработку ракетных технологий и ОМУ. Они считают необходимым таким образом удерживать США от действий, противоречащих интересам этих режимов. Именно поэтому дипломатические усилия для остановки их оружейных программ бесполезны. «Страны-изгои» не подчиняются международным соглашениям, следовательно, не могут быть сдержаны угрозой ответного удара, в отличие, например, от поведения СССР времён «холодной войны». По мнению Рамсфелда, лидеры таких стран держат в заложниках своё население, которое пострадает в случае ядерного возмездия от США [35]. Такого рода подробная характеристика была развёрнутым ответом на тезис оппонентов ПРО о возможности сдержать «страны-изгои» привычными средствами.

На слушаниях 28 июня 2001 г. конгрессмен-демократ Т. Аллен, парируя аргумент Д. Рамсфелда о росте ракетной угрозы, соглашался с тем, что количество баллистических ракет в мире за последние годы выросло. При этом он подчеркнул, что речь идёт в основном о ракетах малой дальности (БРМД), отметив снижение количества МБР за 1985–2000 гг. с 2318 до 1100 единиц. Кроме того, Аллен заявил, что одна из «стран-изгоев» – КНДР – сама наложила мораторий на свои ракетные испытания до 2003 г. Рамсфелд отвечал, что, исходя из данных разведки, ракетная угроза существует бесспорно, в то время как выполнение КНДР моратория проверить невозможно [40].

19 июля конгрессмен-демократ Дж. Тэйлор, говоря о 63 млрд. долл., потраченных за 10 лет работ над ПРО, указывал, что эта сумма могла быть потрачена с большей пользой на другие оборонные программы. Заместитель министра обороны П. Вулфовиц отвечал, что многое уже сделано за это время и системы ПРО нужны войскам не меньше, чем новая техника или денежное довольствие. В поддержку тезиса о скорейшем развертывании национальной

ПРО он признал, что ракетная угроза развивается небыстро, но соответствующие оборонительные системы развиваются ещё медленнее [7].

Научное сообщество продолжало участвовать в дискуссиях, и 5 сентября в интервью журналу «Бостон ревю» профессор Массачусетского технологического института Т. Постол, один из главных оппонентов стратегической ПРО сказал, что не видит никакой угрозы от так называемых иррациональных лидеров проблемных государств, которые якобы имеют ОМУ и средства его доставки. Т. Постол выдвинул новый для учёных-оппонентов национальной ПРО аргумент: он заявил, что «сценарий, когда США, ничего не предпринимая, наблюдают за постройкой МБР в «странах-изгоях», просто смешон. Такая ракета будет атакована ещё будучи на земле и без ПРО» [46]. Эту же точку зрения приводил позднее, в 2002 г., в своей статье один из виднейших в научном сообществе противников стратегической ПРО Ф. Койл, старший советник Центра оборонной информации, помощник министра обороны США в 1994–2001 гг. [16].

После терактов 11 сентября 2001 г. демократы отказались от поправок, сокращавших ассигнования на ПРО, а Сенат одобрил бюджетный запрос администрации в полном объёме. И те, кто был за развёртывание национальной ПРО, и те, кто был против этого, считали, что теракты 11 сентября усилили их позиции. Сторонники говорили, что непредсказуемость угроз однозначно свидетельствует об уязвимости США и необходимости подготовиться к защите от любого возможного нападения. Критики же утверждали: теракты подтвердили, что ракетная атака не самая насущная проблема, и деньги должны быть направлены на противодействие более вероятным угрозам [9]. 13 декабря 2001 г. Дж. Буш-мл. озвучил решение администрации о выходе из Договора по ПРО (1972 г.). Этот шаг был нужен для дальнейшего движения в сторону развёртывания национальной ПРО.

В докладе разведсообщества США «Развитие зарубежных ракетных систем и угроза ракетной атаки до 2015 г.» новым по сравнению с озвученными в феврале оценками было, во-первых, предположение, что в конце 1990-х годов у КНДР появилось два ядерных устройства, и, во-вторых, различные оценки перспектив разработки МБР в Иране. Большинство экспертов сходились во мнении, что первое испытание МБР в виде космической ракеты-носителя должно состояться в Иране в 2005–2010 гг. Иракская же ракетная программа могла начать развиваться только лишь в случае, если санкций ООН будут значительно ослаблены. Разведка продолжала утверждать, что неракетные средства доставки ОМУ не повышают престиж их обладателя и не обеспечивают сдерживание в такой степени, как МБР. Однако они более точны, доступны, надёжны и эффективны при распространении биологического оружия, а также менее дороги, могут применяться без «указания адреса отправителя» и избежать ПРО. Их производство легче скрыть. По мнению разведки, именно такие средства, скорее всего, могут быть применены для удара по США [19].

Новые моменты в позиции администрации Дж. Буша-мл.

На рубеже 2001–2002 г. администрация вводит следующий аргумент в пользу необходимости национальной ПРО – это повышение статуса противоракетных систем среди других мер по обеспечению безопасности США.

В «Ядерном обзоре-2001» ПРО введена в состав «новой ядерной триады», которая включала стратегические наступательные и стратегические оборонительные вооружения, а также гибкую инфраструктуру. С этого момента ПРО помогает (1) убеждать союзников и друзей в нерушимости американских обязательств перед ними; (2) удерживать другие страны от военного соперничества, делая его для них очень затратным; (3) сдерживать угрозы интересам США путём сведения на нет преимуществ достижения успеха ракетной атаки; (4) отражать атаку противника в случае провала сдерживания [33].

6 февраля 2002 г. Дж. Тенет излагал тезисы, показывавшие, что ЦРУ склонно поддерживать программу ПРО: БР с ОМУ могут оказаться не особенно точными или надёжными, так как стратегическая ценность этого оружия вытекает, в основном, из явной или неявной угрозы применения баллистических ракет, а не из конкретных результатов их использования. В 2001 г. разведка таких аргументов не приводила. Срок первого испытания иракской МБР был озвучен по самой ближайшей дате из всех, что были указаны в декабре 2001 г. Новым был и тезис о том, что даже при изменении политической ситуации в этих странах тенденция роста ракетной угрозы для США сократится незначительно. С другой стороны, относительно ракетной программы Ирана в ответах на вопросы на слушаниях в сенатском комитете по разведке было сказано, что ракеты и ОМУ разрабатываются им как крайнее средство обеспечения безопасности. Возможность применения БР и ОМУ Северной Кореей рассматривалась Дж. Тенетом и главой разведывательного управления Министерства обороны вице-адмиралом Т. Уилсоном только в контексте сохранения политического режима этой страны [15]. Этот тезис о, по сути, невысокой возможности применения БР будет присутствовать в оценках разведки с этого момента и на протяжении всего оставшегося рассматриваемого периода.

В президентской директиве по национальной безопасности № 23 от 16 декабря 2002 г. администрация утверждала, что несмотря все её усилия невозможно исключить военные неожиданности, неудачи в дипломатии, разведке и сдерживании, защиту от которых как раз обеспечивает ПРО, выступающая ещё и как страховка от подобных событий.

О явном стремлении администрации двигаться в направлении ПРО говорит и то, что с 2004 г. в программных документах США угроза ОМУ начала классифицироваться как вызов безопасности страны. В «Национальной военной стратегии» было определено четыре типа вызовов, расставленных в системе приоритетов по мере возрастания опасности: традиционные, нетрадиционные, катастрофические и разрушительные. Ракетная угроза и угроза ОМУ, относящиеся к катастрофическим, несколько раз упоминались в тексте «Национальной военной стратегии». Кроме прочего, этим тезисом развивался статус ПРО впервые после включения противоракетной обороны в новую ядерную триаду. Это тоже служило аргументом в её поддержку.

В «Национальной оборонной стратегии» 2005 г. администрация неоднократно называет ПРО частью комплекса мер сдерживания. Более того, в выступлении по поводу финансирования ПРО на 2006 фин. г. новый глава Агентства по ПРО (АПРО) Г. Оберинг (впервые в подобном докладе) достаточно подробно остановился на возможных угрозах. Он озвучил количество ракетных пусков за 2004 г., отметив, что в 2003 г. их было в 2 раза меньше (без уточнения о том, кто проводил пуски), в том числе, говорилось об угрозе прибрежных за-

пусков [27, р. 2-3]. Эти меры имели целью поднять статус ПРО после двух провалов испытаний зимой 2004/2005 гг., чтобы получить финансирование в требуемом объёме.

У администрации на тот момент так и не было единой оценки ракетной угрозы со стороны КНДР. Тем не менее, администрация продолжала делать всё, чтобы обосновывать необходимость ПРО. В 2006 г. для этого были использованы все основные документы: «Четырёхгодовой оборонный обзор», «Национальная военная стратегия по борьбе с ОМУ», «Стратегия национальной безопасности» и, конечно, обоснование бюджетного запроса по ПРО на 2007 фин. г. Это было связано с тем, что обстановка к этому времени в деле развёртывания национальной ПРО складывалась в США не лучшим образом и необходимо было подчеркнуть значение этой программы. Июльские испытания ракет в КНДР и ядерные испытания в октябре 2006 г. использовались в аргументации за ПРО и в 2007, и в 2008 гг.

Ещё в 2004 г. началось планирование Третьего позиционного района в Европе (ТПР) (первые два расположены на Аляске и в Калифорнии). 25 января 2007 г. глава АПРО Г. Оберинг впервые официально связал это с ракетной угрозой Ирана [10]. Весной 2007 г. помощник заместителя министра обороны Б. Грин на слушаниях в комитете по делам вооружённых сил в Палате представителей представил новый блок аргументов в пользу развёртывания ТПР. Среди них были: возможность перехвата БР промежуточной дальности; нейтрализация угрозы запугивания стран – членов НАТО «странами-изгоями»; более справедливое распределение бремени затрат по ПРО; создание второго эшелона защиты территории США; повышение безопасности европейских союзников, что, естественно, повышало безопасность США; увеличение свободы манёвра для руководства США через возможность отсрочить ответные меры по отражению атаки; получение несомненной выгоды от постоянно развёрнутых систем в Европе [39]. Во время дебатов сенатор-демократ Р. Бёрд впервые поставил под сомнение тезис о том, что ПРО служит сдерживающим фактором для развития ракетной и ядерной программ «стран-изгоев». Его доводы парировались всё теми же аргументами о возможных неожиданностях и подчеркивалось, что именно на такой случай и нужна ПРО. Глава АПРО Г. Оберинг утверждал, что по мере повышения степени готовности систем ПРО, уверенность противника в успехе ракетной атаки будет неуклонно уменьшаться [18, р. 627]. Что касается демократов в 2002–2008 гг., то, кроме указанного заявления Р. Бёрда, они никак не развивали свою позицию противников создания национальной ПРО.

Позиция учёных – противников стратегической ПРО

18 февраля 2002 г. Дж. Сиринционе, директор программы «Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения» Фонда Карнеги, опубликовал свой доклад «Снижающаяся угроза баллистических ракет», основными выводами которого были: широкое распространение ракет малой дальности (БРМД); ограниченная вероятность запуска ракет средней дальности (БРСД); постоянное снижение числа МБР; вероятность того, что пара новых стран по-

лучит технические возможности запуска МБР в следующие 20 лет; заметное уменьшение числа МБР в мире, ведущее к значительному снижению ракетной угрозы территории США. Напомним, что Д. Рамсфелд ещё в июне 2001 г. говорил о росте угрозы из-за непредсказуемого поведения «стран-изгоев». Дж. Сиринционе утверждал, что ни одна из ракетных программ, перечисленных в докладах 1990-х годов в итоге не развивалась по самому худшему сценарию. В стремлении открыть торговлю с западом КНДР, скорее всего, приостановит свою примитивную программу ради выгод, которые сулит сотрудничество с развитыми экономиками. Кроме того, создание МБР предполагает сложное производство, изменение текущей конструкции МБР и, наконец, оснащение ракеты ядерной боеголовкой. Приобретение баллистических ракет странами Ближнего Востока и Южной Азии ориентировано, прежде всего, на обеспечение регионального превосходства и повышение престижа [12]. Чуть позднее Дж. Сиринционе делает акцент на необходимости обратить большее внимание на террористическую угрозу, не исключая при этом продолжения исследований в сфере ПРО [11, р. 144]. Свою точку зрения на необходимость ПРО высказывали М. О'Хэнлон и Дж. Линдсей из Института Брукинса, признавая, что ракетные технологии, хоть и не распространяются слишком быстро, всё же расползаются. Они отмечали важную роль ПРО в обороне и внешней политике США. По их мнению, без надёжной ПРО Америка не может использовать стратегию, которая столь успешно работала в Афганистане в 2001 г. [26, р. 96]. Данные точки зрения представителей научного сообщества примечательны своей сложностью: ставя под сомнение угрозу МБР, эти специалисты тем не менее, не выступают против исследований в сфере ПРО.

Бывший сотрудник Госдепартамента Г. Тилманн, с 2002 г. работающий в независимой исследовательской организации «Ассоциация по контролю над вооружениями», в своей статье 2003 г. отмечал, что за пять лет после выхода доклада комиссии Д. Рамсфелда о ракетной угрозе, ни одна страна не испытала МБР, а пятилетний срок для появления межконтинентальных баллистических ракет у Северной Кореи и Ирана подошёл к концу. Даже у стран с огромным промышленным и научным потенциалом этот процесс был гораздо более сложным, чем это представляла себе комиссия Рамсфелда. Снижение критериев оценки ракетной угрозы, по мнению Тилманна, отразилось во внедрении термина «первичное наличие угрозы» (*initial threat availability*), который означает не успешное проведение испытания, а наличие программы МБР как таковой. По его мнению, разведка снизила стандарты своей работы, начав мыслить категориями «теоретически может быть», а не «скорее всего будет». Он критиковал точку зрения администрации о самой возможности оснащения МБР биологическим или химическим оружием и писал о неизбежном уничтожении атакующей стороны в случае ракетного удара по США [43], с чем республиканцы, по большому счёту, и не спорят. Они лишь подчеркивают, что такого подхода недостаточно для безопасности, говоря «мы не можем позволить нашим врагам ударить первыми» [41, р. 15]. Тилманн отмечал негативный эффект отвлечения денег от тактической ПРО и от борьбы с терроризмом. Он писал, что доклад Рамсфелда не только снизил эффективность существующих международных инструментов контроля над вооружениями, но и дал сторон-

никам ракетных программ во враждебных странах основания полагать, что их усилия будут иметь политические дивиденды в контексте сдерживания [43].

В октябре 2007 г. во время обсуждения европейской ПРО представители научного сообщества, повторив аргумент Р. Бёрда, впервые признали отсутствие каких-либо свидетельств того, что развитие ПРО удерживает власти КНДР и Ирана от дальнейшего наращивания ракетных арсеналов [23]. Д. Мистри, профессор Университета Цинциннати, в подробном научном обзоре иранской ракетной программы писал, что даже в случае приобретения Ираном технологий баллистических ракет средней дальности у КНДР Тегеран не сумеет построить большое количество таких ракет, а что касается МБР, то в этом деле, помимо прочего, есть ещё ряд технологических вызовов, которые Ирану нужно преодолеть [30]. В то же самое время научное сообщество вновь вернулось к аргументу о том, что отсутствие иранской ракетной угрозы суть следствие неотвратимости ответного удара [3].

5 марта 2008 г. очередной доклад Дж. Сиринционе о ракетной угрозе зачитывался уже в Палате представителей (в отличие от двух предыдущих в 2002 и 2005 гг.). На этот раз он отрицал возможность применения БР и ОМУ против войск или интересов США [13, р. 5] и отмечал, что, кроме противоречивых итогов запуска иранской ракеты-носителя 4 февраля 2008 г., никаких видимых успехов у иранской ракетной программы нет. Он выразил поддержку ПРО ТВД, отметив при этом, что такие средства никогда не должны преобладать над политическими [13, р. 14, 18].

На слушаниях 16 апреля 2008 г. Ф. Койл указывал на непоследовательность администрации в характеристике угроз. Он имел в виду, что в заявлениях Белого дома от октября 2007 г. и марта 2008 г. говорилось о 27 странах, имеющих БР, в то время как АПРО в апреле 2008 г. насчитало лишь 20. Койл отмечал, что даже эти оценки бессмысленны, поскольку АПРО утверждает, что система способна справиться только с несложной угрозой (1–2 БР, не оснащенные средствами преодоления ПРО) [45, р. 62]. Всё это указывает на то, что в 2002–2008 гг. учёные продолжали развивать свою точку зрения, наблюдая за позицией администрации Дж. Буша-мл., и в вопросе о необходимости национальной ПРО они были более сильными критиками администрации, чем демократы в Конгрессе.

Опираясь на испытания 2009 г. в КНДР и Иране, Г. Тилманн утверждал, что стратегическая ПРО никогда не останавливала активное продвижение ракетных программ и что сделать это способна реальная угроза возмездия. По его мнению, Пхеньян и Тегеран скорее хотят иметь возможность угрожать опустошающим ударом в случае атаки на них, чем нацеливать ядерное оружие против США и их союзников. С точки зрения специалиста, в этом они вполне преуспели, судя по осторожности США в любом кризисе с участием этих стран [44, р. 6].

В сентябре 2009 г. представители научного сообщества (Ф. Койл и «Ассоциация по контролю над вооружениями») приветствовали решение Б. Обамы отказаться от планов Дж. Буша-мл. по развёртыванию ПРО в Европе, в частности, указывая на отсутствие в старом плане мер защиты для юго-восточной части континента от ракет, которыми Иран уже обладает.

Позиция администрации Обамы и демократов

В 2008 г., отвечая на вопросы «Ассоциации по контролю над вооружениями», избранный президент Б. Обама очертил подход новой администрации к ПРО. Он утверждал, что противоракетная оборона имеет большое значение для снижения опасности атак с применением ОМУ, но эта система должна применяться вместе с остальными мерами по нераспространению. По мнению Б. Обамы, на предотвращение основной угрозы, т.е. терактов с применением ОМУ, тратится гораздо меньше средств, чем на ПРО [6], из чего следовало, что новая администрация считала террористическую угрозу приоритетной.

В то же время испытания иранской ракеты-носителя 2 февраля 2009 г. повлияли на тех сенаторов, которые ракетную угрозу серьёзно не рассматривали. Например, 10 марта 2009 г. сенатор-демократ К. Левин признавал ракетную угрозу от Ирана и рост таковой от КНДР, не сравнивая её при этом с угрозой терроризма с применением ОМУ. Как известно, К. Левин до этого отдавал приоритет терроризму. Впервые с 2007 г. сенаторы активно задавали вопросы об оценке ракетной угрозы [17, р. 3, 65, 71, 74]. 5 апреля 2009 г. КНДР провела испытания ракеты-носителя, и в тот же день представитель Белого дома Г. Самор сказал, что северокорейский тест подтверждает важность продолжения разработки ПРО для защиты США и их союзников в Азии. Таким образом ракетные испытания 2009 г. заставили администрацию уже прямо высказаться по вопросу о необходимости ПРО.

У. Перри и Дж. Шлесинджер из специальной комиссии Конгресса в своём докладе 2009 г. о стратегическом положении США связали ракетную угрозу прежде всего с БР малой и средней дальности у Северной Кореи и Ирана, поэтому акцент рекомендовали делать на нестратегическую ПРО. Также говорилось, что «оборона от ракет большей дальности должна основываться на их доказанной эффективности» [34, р. 32]. Впервые администрации предлагалось сделать акцент на развитии ПРО от БР малой и средней дальности.

17 сентября 2009 г. президент Б. Обама объявил, что он не будет развивать ПРО в Европе по плану Дж. Буша-мл., поскольку согласно данным разведки, Иран активно совершенствует ракеты средней и малой дальности. На брифинге министр обороны Р. Гейтс заявил, что разработка иранской МБР идёт медленнее, чем прогнозировалось в 2006 г. [31]. Таким образом, оценка ракетной угрозы стала одним из факторов, повлиявших на решение президента. Вряд ли стоит говорить, что демократы поддержали позицию Б. Обамы.

1 февраля 2010 г. вышел первый в своём роде обзорный доклад по ПРО, подготовленный в Министерстве обороны по указанию президента и Конгресса. Оценки ракетной угрозы не отличались в нём от оценок начала 2009 г. Новым был тезис о том, что «сдерживание через угрозу массированного ответа может не быть эффективным против государств в ситуации военно-политического кризиса. Во времена нестабильности лидеры могут посчитать для себя целесообразным втянуть США в конфронтацию, повысив ставки и показав потенциал нанесения большего ущерба своими ракетами». В докладе подчёркивалось, что, «США абсолютно необходимо усиливать региональное сдерживание» [8, р. 6-7]. Очевидно, что администрация Обамы, также как и предыдущая, считает сдерживание через угрозу возмездия недостаточным аргументом. Кроме того, в своём «Ядерном обзоре-2010» администрация Обамы ввела положение о необходи-

мости развития ПРО в контексте регионального сдерживания в условиях сокращения стратегических ядерных сил США. Таким образом, растёт роль ПРО в региональном сдерживании, и это то, чего не было при республиканской администрации. Акценты смещаются в сторону региональной ПРО в Европе (соглашения о размещении элементов ПРО в Румынии, Турции и Испании) и на Тихом океане (тесное сотрудничество по этому вопросу с Японией).

Необходимость развёртывания ПРО как таковой перестала обсуждаться уже с 2004 г., но тема ракетной угрозы время от времени возникала в обсуждениях в Конгрессе, инициировалась республиканцами и звучала в контексте изменения архитектуры ПРО. Между тем, с 2010 г. оценки ракетной угрозы исчезли из ежегодных выступлений директора АПРО. Подобный обзор присутствовал в этих докладах в 2005–2009 гг., и его исчезновение можно связать с тем, что администрация исчерпывающе изложила своё видение ракетной угрозы в «Обзоре ПРО-2010».

Как и в «Национальной военной стратегии» 2004 г., в аналогичном документе 2011 г. отмечалась актуальность угрозы ОМУ и возможность ракетного удара. Но речь в этих разделах шла скорее не об угрозе территории США. Впервые акцент делался на последствиях для региональной безопасности как Корейского полуострова в случае смены главы КНДР, так и Ближнего Востока, если Иран создаст ЯО. Подчеркнём, что до этого ракетная угроза, в первую очередь, рассматривалась как угроза территории США. Теперь же в фокус попала региональная безопасность.

Администрации Б. Обамы в этих дискуссиях приходится противостоять и республиканцам, и учёным-сторонникам расширения ПРО.

Позиция учёных – сторонников НПРО и республиканцев в 2008–2012 гг.

Ещё в 2004 г. активные сторонники НПРО из научного сообщества, заявляя о своей позиции, использовали исключительно аргументацию представителей администрации [25]. В 2007 г. в докладе «Независимой рабочей группы по ПРО», состоящей из сторонников ПРО (Фонд «Наследие», Институт Дж. Маршалла и др.), основной упор делался на интерпретации заявлений администрации, со всех сторон обыгрывающих рост ракетной угрозы. В документе сторонники ПРО инициировали обсуждение угрозы электромагнитного импульса от ядерной БГ, запущенной «странами-изгоями» [20, р. 112]. Электромагнитный импульс, будучи одним из поражающих факторов ядерного взрыва, может вывести из строя спутники и наземную электронику.

Во время президентской кампании кандидат от республиканцев Дж. Маккейн поддерживал развитие ПРО, во-первых, в качестве способа защиты против шантажа «стран-изгоев» и, во-вторых, как преграду от потенциальных угроз таких стратегических соперников, как Россия и Китай. Так у республиканцев для обоснования развития ПРО появился ещё один повод – «фактор России». Консервативно настроенные республиканцы и до этого могли делать такие заявления, но в данном случае речь шла об официальной позиции кандидата в президенты. Напомним, что в 2004 г. Дж. Буш-мл. не называл Россию одним из стимулов для развёртывания ПРО. В июле 2008 г. Клермонтский институт провёл конференцию «Вызовы ПРО в XXI веке», на которой посол

Дж. Болтон и республиканцы Дж. Кайл и Т. Фрэнкс отстаивали свою более радикальную, чем у администрации Дж. Буша-мл. позицию об угрозах. В частности, Дж. Болтон выражал несогласие с выводами разведки относительно ракетного нападения [21, р. J:71]. На этой же конференции обсуждались возможные последствия электромагнитного импульса от ядерного взрыва в атмосфере, которые, по словам У. Грэхема, отказывались обсуждать в Пентагоне [21, р. J:72-74]. Таким образом, перед выборами 2008 г. республиканцы и сторонники ПРО развили к этому вопросу свой подход, более радикальный, чем у действующей администрации.

В мае и июне 2009 г. на слушаниях, посвящённых бюджетному запросу по ПРО на 2010 фин. г. более других обсуждалась ракетная угроза Ирана. Республиканцы с начала 2009 г. продолжали развивать эту тему в связи с появлением новых перспектив изменения архитектуры ПРО в Европе, и их целью тогда было стремление остановить эти тенденции. Они жёстко критиковали решение администрации отказаться от плана Дж. Буша-мл. по европейской ПРО. На слушаниях 24 сентября республиканцы ставили под сомнение «новые разведанные» и апеллировали к оценкам, озвученным в начале 2009 г., которые подчёркивали прогресс Ирана в создании МБР [29].

2012 г. ознаменовался новыми заметными дискуссиями между учёными по вопросам ракетной угрозы. В подтверждение своих тезисов о росте угрозы Фонд «Наследие» приводил данные об очередных испытаниях северокорейской ракеты 12 апреля 2012 г. [24]. Но в мае Г. Тилманн, опираясь на результаты того пуска, утверждал, что даже если будет разработана ядерная боеголовка, самым вероятным средством её доставки может стать БРСД «Нодон». Он также утверждал, что мобильно-наземные МБР, показанные на параде 15 апреля 2012 г. – это муляж, хотя именно о них говорил Р. Гейтс в 2011 г. По мнению Т. Постола, корейцам понадобится ещё около 10 лет, чтобы достичь хоть какой-то степени надёжности МБР. В связи с этим Г. Тилманн заявил, что пришло время признать гонку с развёртыванием перехватчиков против несуществующей угрозы неадекватным реагированием и заведомо чрезмерным ответом, стоившим миллиарды долларов и приведшим к утрате ценных возможностей по улучшению безопасности США [42].

В сентябре 2012 г. вышел доклад М. Шиллера из корпорации РЭНД, посвящённый ракетной угрозе со стороны КНДР. Основные его тезисы сводились к тому, что КНДР не ведёт себя как разработчик и производитель большого количества сложных ракетных систем. Главная цель всех усилий КНДР – имитация кипучей деятельности по созданию видимости серьёзной ракетной угрозы. Учитывая политический характер пусков, США и другие страны должны адекватно оценить их значение [36]. Более подробного исследования и более низкой оценки ракетной угрозы, исходящей от КНДР, в рассматриваемый период среди американских учёных и политиков не было (даже у Г. Тилманна). Тем не менее, удачный запуск ракеты-носителя «Ынха-3» 12 декабря 2012 г. тут же был использован консерваторами для доказательства наличия у КНДР технологии МБР [23].

Что касается темы РФ в контексте необходимости ПРО и существования ракетной угрозы для США, то она продолжает вызывать полярные оценки у американских специалистов. Дж. Коллинз из Фонда Карнеги признаёт угрозу распространения ядерных и ракетных технологий как основание для развития

ПРО, но только совместной с РФ, так как, по его мнению, опасность есть и для США, и для Европы, и для РФ [14]. В отличие от него Б. Спринг из Фонда «Наследие» в своих рекомендациях по поводу ПРО, выпущенных в мае 2011 и мае 2012 гг., обосновывая необходимость развития противоракетной обороны, в число угроз для США включил РФ. Он говорил о растущем ракетном арсенале КНР, о дальности иранских ракет («1200 миль»), об арсеналах КНДР («около 1000 ракет разной дальности») и о росте количества российских МБР и атомных подводных лодок [37].

На основе изложенного можно сделать некоторые выводы.

1. Администрация Дж. Буша-мл. в 2001–2002 и 2005–2007 гг. развивала свою аргументацию в поддержку ПРО, добавляя всё новые аргументы в свою позицию по этому вопросу, в частности, в условиях неудачных испытаний ПРО.

2. Демократы, изложив свою аргументацию в 2001 г., не дополняли её на протяжении 2002–2008 гг. В 2009 г. их взгляды на приоритетность угроз претерпевают эволюцию: акценты смещаются от терроризма с применением ОМУ к ракетной угрозе территории США, чего не было при Дж. Буше-мл. Это во многом было вызвано испытаниями иранской ракеты-носителя в феврале 2008 и 2009 гг.

3. Республиканцы до 2008 г. поддерживали курс администрации, но в связи с выборами их взгляды на характеристику угроз стали даже более радикальны.

4. Учёные, выступавшие против развёртывания стратегической ПРО, последовательно доказывали отсутствие ракетной угрозы для США и в данный момент, и на перспективу. И хотя иногда они повторяли аргументы, которые сторонники ПРО уже «отбили», в отличие от демократов в Конгрессе они развивали свой комплекс доводов на протяжении всего рассматриваемого периода.

5. Учёные – сторонники расширения ПРО начинали активно озвучивать свои взгляды с 2004 г., хотя очень часто их позиция просто опирается на аргументы администрации. С 2007 г. в своих дискуссиях они начали активно говорить об угрозе электромагнитного импульса – тема, которую не развивала ни одна администрация. Самые оживлённые дебаты в научном сообществе пришлось на 2012 г., что во многом было вызвано ракетными испытаниями КНДР и Ирана. Взгляды на ракетную угрозу у специалистов Фонда Наследия и у республиканцев в Конгрессе часто сходятся, но упоминания РФ в подтверждении необходимости развития ПРО у последних встречаются реже.

6. Администрация Обамы, сформулировав своё видение ракетной угрозы и значения ПРО в 2009 г., продолжала его развивать в 2010 и 2011 гг., добавляя новые положения. В этот период администрация обосновывает необходимость дальнейшего развития ПРО растущей угрозой для региональной безопасности, а не для территории США, таким образом подчёркивая актуальность именно региональных угроз.

Список литературы

1. Десять лет без Договора по ПРО: проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. М.: ИСКРАН, 2012. 76 с.
2. Договор по ПРО и позиция России (материалы круглого стола) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4.
3. *Койл Ф.* Американская ПРО и альтернатива Путина // Россия в глобальной политике. 2007. № 4 (июль-август).

4. *Приходько О. В.* Американская ПРО: повторение истории или новая перспектива? // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 2.
5. Юрий Соломонов: «Время диалога с США по вопросу о ПРО ещё не ушло» // Ядерный контроль. 1999. № 4
6. Arms Control Today 2008 Presidential Q&A: President-elect Barack Obama // Arms Control Today. December 2008.
7. Ballistic Missile Defense Programs and Policy. Hearing before the House Committee on Armed Services. 19.07.2001.
8. Ballistic Missile Defense Review Report. Department of Defense. February 2010.
9. *Boese W.* Democrats Withdraw Missile Defense Restrictions // Arms Control Today. October 2001.
10. *Boese W.* U.S., Europe Anti-Missile Plans Upset Russia // Arms Control Today. March 2007.
11. *Cirincione J.* Defending America // Georgetown Journal of International Affairs. Winter-Spring 2002. P. XX.
12. *Cirincione J.* The Declining Ballistic Missile Threat. 18.02.2002 (<http://www.carnegieendowment.org/2001/06/01/ballistic-missile-threat-to-united-states/52c3>).
13. *Cirincione J.* The Declining Ballistic Missile Threat. Testimony before the U.S. House Committee on Oversight and Government Reform, Subcommittee on National Security and Foreign Affairs. 5.03.2008.
14. *Collins J.* Overcoming the Stigma of Cooperative Missile Defense. The Carnegie Endowment for International Peace. 16.05.2012.
15. Converging Dangers in a Post 9/11 World. Testimony of Director of Central Intelligence George J. Tenet before the Senate Select Committee on Intelligence. 6.02.2002.
16. *Coyle P.* Rhetoric or Reality? Missile Defense Under Bush // Arms Control Today. May 2002.
17. Current and Future World Wide Threats to the Security of the United States. Hearing before the Senate Armed Services Committee. 10.03.2009 (http://www.fas.org/irp/congress/2009_hr/sasc-threat.pdf).
18. Department of Defense Appropriations. Missile Defense Agency. Hearing of the Senate Appropriations Committee. 25.04.2007 (<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-110shrg33911/pdf/CHRG-110shrg33911.pdf>).
19. Foreign Missile Developments and the Ballistic Missile Threat Through 2015. Central Intelligence Agency. December 2001.
20. Independent Working Group on Missile Defense, the Space Relationship, & the 21st Century. 2007 Report.
21. Independent Working Group on Missile Defense, the Space Relationship, & the 21st Century. 2009 Report.
22. *Kimball D. G.* Of Missiles and Missile Defense // Arms Control Today. October 2007. P. XX.
23. *Klingner B.* North Korean Missile Defiance Requires Stern Response. The Heritage Foundation. 12.12.2012 (<http://blog.heritage.org/2012/12/12/north-korean-missile-defiance-requires-stern-response/>).
24. *Klingner B.* North Korean Missile Launch Demands Strong U.S. Response. The Heritage Foundation. 12.04.2012 (<http://www.heritage.org/research/reports/2012/04/north-korean-missile-launch-demands-strong-us-response>).
25. *Kueter J.* Missile Defense: A Continuing National Priority. George C. Marshall Institute. May 2004 (<http://www.marshall.org/pdf/materials/210.pdf>).

26. *Lindsay J. M., O'Hanlon M. E.* Missile Defense After the ABM Treaty // Contemporary Nuclear Debates / Ed. by A. Lennon. Cambridge: The MIT Press, 2002.
27. Lt Gen Henry A. Obering III, USAF, Director, Missile Defense Agency. Missile Defense Program and Fiscal Year 2006 Budget. Spring 2005.
28. *Mendelsohn J.* European Missile Defense: Strategic Imperative or Politics as Usual? // Arms Control Today. October 2007.
29. Missile Defense in Europe. Hearing of the Senate Armed Services Committee. 24.09.2009.
30. *Mistry D.* European Missile Defense: Assessing Iran's ICBM Capabilities // Arms Control Today. October 2007.
31. News Briefing with Secretary Gates and Gen. Cartwright from the Pentagon. 17.09.2009.
32. Nomination of Donald H. Rumsfeld to be Secretary of Defense. Hearing before the Committee on Armed Services. United States Senate. 11.01.2001.
33. Nuclear Posture Review Report. Department of Defense. December 2001.
34. *Perry W., Schlesinger J.* America's Strategic Posture. The Final Report of the Congressional Commission of the Strategic Posture of the United States. Washington: United States Institute of Peace Press, 2009.
35. Prepared Testimony of U.S. Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld in the Senate Armed Services Committee. 21.06.2001.
36. *Schiller M.* Characterizing the North Korean Nuclear Missile Threat. RAND Corporation. 27.09.2012.
37. *Spring B.* President Obama's Missile Defense Program Falls Behind the Threat. The Heritage Foundation. 3.05.2012.
38. Statement by Director of Central Intelligence George J. Tenet before the Senate Select Committee on Intelligence on the "Worldwide Threat 2001 National Security in a Changing World". 7.02.2001.
39. Statement of Brian R. Green, Deputy Assistant Secretary of Defense for Strategic Capabilities before the Strategic Forces Subcommittee. House Armed Services Committee on FY 2008 Budget Request for Missile Defense Programs. 11.04.2007.
40. The National Defense Authorization Request FY 2002. Hearing before the House Armed Services Committee. 28.06.2001.
41. The National Security Strategy of the United States of America. The White House. September, 2002.
42. *Thielmann G.* Long-Range Ballistic Missile Development: A Tale of Two Tests. ACA Threat Assessment Brief. 10.05.2012 (http://www.armscontrol.org/files/TAB_Long-Range-Ballistic-Missile-Development-A-Tale-of-Two-Tests.pdf).
43. *Thielmann G.* Rumsfeld Reprise? The Missile Report That Foretold the Iraq Intelligence Controversy // Arms Control Today. July/August 2003.
44. *Thielmann G.* Strategic Missile Defense: A Reality Check. ACA Threat Assessment Brief. 21.05.2009 (http://armscontrol.org/system/files/TAB_StrategicMissileDefense.pdf).
45. What Are the Prospects? What Are the Costs?: Oversight of Missile Defense (Part 2). Hearing before the House Subcommittee on National Security and Foreign Affairs. 16.04.2008 (http://www.fas.org/irp/congress/2008_hr/bmd-pt2.pdf).
46. What's Wrong with Missile Defense, Interview with T. Postol // The Boston Review. October-November, 2001 (<http://bostonreview.net/BR26.5/postol.html>).